

Антропогенный ландшафт бассейнов Таза и Турухана в XVII-XIX вв.: история vs теория.

СТЕПАНОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА
МАЭ (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), Россия
e-mail: stepanova67@mail.ru

Формирование антропогенного ландшафта Таза и Турухана в XVII-XIX вв. характеризуется минимальным/слабым воздействием человека на природу, поэтому исследование данной темы будет начинаться с рассмотрения нескольких теоретических вопросов.

Взгляд на ландшафт как объект географии, в состав которого включался человек с его хозяйственной деятельностью, стал широко распространяться среди отечественных ученых в начале XX в. В 1915 г. Л.С. Бергом в российскую научную литературу было введено понятие «культурный ландшафт» [1915]. Культурными ландшафтами он назвал все ландшафты, целенаправленно преобразованные, созданные человеком - городские, сельские, сельскохозяйственные и т.д.

В 1930-е гг. годы ленинградскими географами А.Д. Гожевым и Б.Н. Городковым был предложен термин «антропогенный ландшафт». Он применялся к любому ландшафту, изменённому целенаправленной хозяйственной деятельностью, поэтому его использовали как синоним термину «культурный ландшафт».

В начале 1950-х гг. в стране разгорелась первая дискуссия по поводу определения антропогенного ландшафта. Одна часть ученых придерживалась старого взгляда на синонимичность терминов антропогенного и культурного ландшафта, другая часть высказывала точку зрения, что культурные ландшафты представляют собой лишь часть антропогенных ландшафтов (третья часть считала, что, наоборот, антропогенные ландшафты – это часть культурных ландшафтов).

В 1950-1970-е гг. в СССР было создано много вариантов классификаций современных ландшафтов, построенных на основе учёта степени их антропогенной изменённости, генезиса, целей использования, хозяйственной ценности, длительности существования, степени регулируемости и т.д.

В 1970-е годы с ростом числа работ, посвящённых проблемам превращения природных ландшафтов в антропогенные, внутри комплексной физической географии выделилось антропогенное ландшафтоведение. Лидером нового научного направления стал руководитель Воронежской школы ландшафтоведов Ф.Н. Мильков, выпустивший монографию «Человек и ландшафты» [1973]. Он определил предметом изучения антропогенного ландшафтоведения природные комплексы, формирующиеся под влиянием хозяйственной деятельности человека - антропогенные ландшафты, понимаемые как «комплексы, в которых на всей или на большей их площади коренному изменению под воздействием человека подвергся любой из компонентов ландшафта, в том числе и растительность с животным миром». Оппонентами Ф.Н. Милькова выступили А.Г. Исаченко и его последователи, они подвергли существенной критике выдвинутые Мильковым положения [Исаченко, 1976]. Главные расхождения исследователей заключались в подходе к определению понятия ландшафта. В результате дискуссии так и остались нерешёнными принципиальные вопросы: 1) кем является человек по отношению к ландшафту -

внешней силой или его компонентом; 2) как разграничить собственно антропогенные ландшафты и ландшафты естественные, модифицированные антропогенными воздействиями; 3) каждое ли антропогенное воздействие ведёт к коренной перестройке ландшафта и т.д.

Определение антропогенного ландшафта, данное Ф.Н. Мильковым, приводимое сегодня в большинстве современных словарей и справочников, действительно позволяет – не только ландшафтоведам, но и ученым из других сфер науки – трактовать этот термин по-разному/по-своему.

Автор данной публикации, вслед за большинством этнографов, изучающих народы Сибири и Севера, термины антропогенного и культурного ландшафта считает синонимами, а в число коренных изменений компонентов природы включает также изменения объемно-пространственной структуры ландшафта. С мнением о том, что к антропогенному ландшафту можно относить лишь «органические» изменения природы, такие как исчезновение какого-либо вида флоры или фауны, изменение русла реки при «прокладке» волока или «формирование пастбищного ландшафта за счет перевыпаса, нагрузки на пастбища и смене типа растительности (как у южных коневодов)» автор согласиться не может.

Разве не меняют ландшафт – его объемно-пространственную структуру – города-остроги, совсем мелкие населенные пункты типа «изба», урочище, зимовье, стойбище, чумы («юрты», как говорили раньше) или стоящие в пустынных местах здания – церкви или часовни, дающие кров путешественникам и служащие им путевым ориентиром [Алексеев, 1979]? Разве не преобразуют вид местности пасущиеся в тайге и тундре стада оленей (большие или маленькие) и стоящие в устьях маленьких речек запоры? Меняют и преобразуют. И даже сезонные дороги (например, зимники) и давно заброшенные объекты (например, городище старой Мангазеи) входят в число тех антропогенных элементов, которые вносят изменения в природный ландшафт тем, что они в нем присутствуют.

Также присутствуют в ландшафте, являются элементами ландшафта, сами народы, осваивающие суровую природу северных территорий. Исследуя ландшафт, необходимо рассматривать и этническую принадлежность населяющих его народов. От того, какие это этносы, зависит тип культурного ландшафта, который они создают.

Нельзя игнорировать присутствие в ландшафте народов даже самой малой численности. Особенно когда речь идет об истории, формировании какого-либо антропогенного ландшафта. Воздействие на ландшафт первопроходцев незначительно, но это ведь только начало, исток будущих более заметных перемен. Первые шаги всегда имеют особую важность.

Таким образом, народы, их поселения [Степанова, 2009], в том числе передвижаемые и заброшенные, независимо от их размера, одинокие постройки разного назначения, кладбища, культовые объекты [Степанова, 2007, 2010], сооружения, связанные с хозяйственной деятельностью, пути передвижения, включая зимние, водные и сухопутные, стада домашних животных т.д. будут формировать антропогенный ландшафт территории. И лишь во вторую очередь, по мнению автора, к воздействию человека на ландшафт следует относить такие изменения в природе как истребление соболя или осетра.

Тема антропогенного ландшафта бассейнов Таза и Турухана выбрана автором, нужно сказать, не ландшафта ради. Выбор данной территории как объекта исследования был сделан по народу ее населяющему. Границы бассейнов Таза и Турухана совпадают с границами территории расселения северных селькупов. Связь между народом и местом его проживания очень крепка. Место выполняет объеди-

няющие, формирующие народ функции. Приспосабливая свое хозяйство к условиям места проживания, народ меняет природный ландшафт, создает внутри него, на его основе, свой ландшафт, антропогенный, культурный. При этом природные условия служат решающим фактором в определении быта и образа жизни народа. Бассейны рек Таза и Турухана – территория антропогенного ландшафта, создаваемого северными селькупками. Однако селькупский образ жизни определили не одни лишь природные условия, в создании культурного ландшафта Таза и Турухана принимали участие и другие народы, носители другого типа культуры. Для других народов земли Таза и Турухана были оставленной родиной или недавно обретенной малой частью их родины. Антропогенный ландшафт названного района стал плодом сложного взаимодействия нескольких народов в течение ряда веков. Выбор периода исследования - с начала XVII в. и до начала XX в. объясняется тем, что для селькупов эти временные рубежи ознаменовали эпохи радикальных перемен. В 1620-х годах селькупы стали переселяться со Средней Оби на север. Под влиянием условий Севера и воздействием других народов у них началось формирование нового народа, с новым хозяйственным укладом, новым образом жизни и культурой. Заканчивается период рассмотрения темы 20-ми годами XX столетия, когда сложившаяся у селькупов за последние три века традиция вновь стала ломаться.

В начинаемом исследовании автор ставит своей задачей, проясняя картину ландшафта, создаваемого человеческим сообществом, узнать нечто новое об этом сообществе, а точнее, его части. Или, другими словами, собирается использовать антропогенный ландшафт в качестве исследовательского инструмента и таким способом пополнить копилку знаний об изучаемом народе.

Список литературы

- Алексеев Е.А. Христианизация на Туруханском Севере и ее влияние на мировоззрение и религиозные культы кетов // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука. 1979. С. 50–85.
- Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Известия ИРГО. 1915. Т. 51. № 9. С. 463–475.
- Исаченко А.Г. Прикладное ландшафтоведение. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1976. 152 с.
- Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты. Очерки антропогенного ландшафтоведения. М.: Мысль. 1973. 224 с.
- Степанова О.Б. Мир мертвых и погребальный обряд селькупов // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 182-198
- Степанова О.Б. Стойбище верхнетазовских селькупов (по материалам современных полевых исследований) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9. СПб.: МАЭ РАН. 2009. С. 23-42
- Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб., Абакан: Петербургское Востоковедение, Издательский дом «Пантеон», 2010. 303 с.